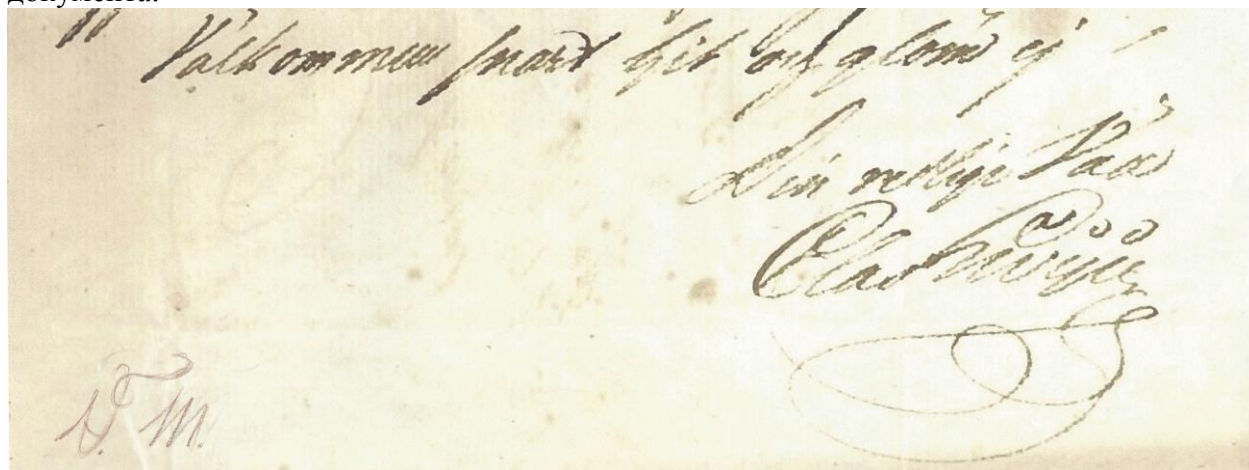

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ПЕРЕВОД ТЮТЧЕВА ИЗ ШВЕДСКОЙ ПОЭЗИИ¹

Наталия Галацкая (Стокгольм)
Карин Грельс (Лунд)
Сусанна Витт (Уппсала)

Введение

Предыстория настоящей статьи-публикации такова. К нам обратились из стокгольмской Королевской библиотеки с вопросом по поводу русской рукописи, найденной между документами, относящимися к тюремной реформе 1843 года, и датированной 1-м апреля 1835 года. Рукопись содержит короткие тексты, похожие на строфы с неровным количеством строк. В ней с трудом прочитываются инициалы *Ф.Т.* и шведское имя Клас Ливийн (Clas Livijn). Человек под этим именем известен в истории шведской литературы как ранний романтик; вошел он и в историю русской литературы — как автор романа “Spader Dame, en berättelse i bref, funne på Danviken” («Пиковая дама, роман в письмах, найденный в Данвикене»²), который, по всей вероятности, лег в основу сюжета пушкинской повести «Пиковая дама»³. Инициалы же *Ф. Т.*, судя по ряду фактов, которые будут ниже изложены, обозначают «Федор Тютчев». Приводим фрагмент указанного документа:

Некоторое время спустя в Королевской библиотеке, в архивном фонде Ливийна, был найден шведский стихотворный текст, который по содержанию весьма близок к русскому тексту таинственной рукописи. Там же был найден текст по-немецки, который практически идентичен русскому тексту. Предполагаем, что присланная нам русская рукопись представляет собой подстрочный перевод стихов Ливийна, сделанный Тютчевым

¹ Статья печатается с любезного разрешения нового журнала Славянской кафедры Стокгольмского университета *Slavica incontinentia*, который возрождает на новых научных основах гордые традиции своего предшественника *Slavica incompetentia*.

² Данвикен — в те времена дом для умалишенных, расположенный на окраинах Стокгольма.

³ См.: Per-Arne Bodin, “Livijn i Puskin”. *Kyssten i Ryssland och andra essäer om rysk litteratur och kultur*, Stockholm 2002, s. 9–26; о переводах пушкинской «Пиковой дамы» на шведский язык см.: Черстин Улофссон. «“Пиковая дама” А.С. Пушкина в шведских переводах» / Болдинские чтения. 2012. С. 243–250.

на основе авторского перевода на немецкий язык. Позднее был обнаружен и обработанный перевод Тютчева, который сохранился в письмах Ливийна (ссылка на соответствующее письмо будет приведена ниже).

Цель настоящего исследования такова: во-первых, продемонстрировать факт перевода; во-вторых, связать данные тексты с фактами биографии Ливийна; в-третьих, вынести предположение о принадлежности стихов к одному и тому же доселе незамеченному циклу Тютчева, скрывавшемуся под фактом перевода⁴.

Незамеченная поездка Тютчева в Швецию

Начнем с выяснения обстоятельств знакомства Ливийна с Тютчевым. Известно, что Ливийн, как и Тютчев, провел несколько лет в Германии — правда, задолго до пребывания там русского поэта. Но посещал ли Тютчев Швецию, или это был Ливийн, который, путешествуя по Европе, встретил Тютчева?

Поиски в шведских дипломатических архивах привели к интересному открытию: в 1835 году Тютчев посетил Стокгольм с, видимо, секретной дипломатической миссией⁵. О том, что Тютчев несколько раз встречался с Ливийном во время своего короткого пребывания в Стокгольме, стало известно из дневников последнего, недавно найденных в фонде близкого друга Ливийна, Леонарда Фредрика Рээфа (Leonard Fredrik Rääf, в той же Королевской библиотеке).

В том, что оба поэта быстро нашли общий язык и охотно сблизились, ничего удивительного нет. В их творческих судьбах и общественных позициях много схожего. Оба были знатоками и приверженцами немецких романтиков, оба были лично знакомы с некоторыми из них. Оба занимали высокие государственные должности и не рассматривали свое творчество как основное занятие жизни. Но и у того, и у другого билось горячее сердце под государственным мундиром. Любовные трагедии Тютчева — предмет многочисленных исследований. О личной жизни Ливийна мы располагаем лишь скудными сведениями. Известно, что с 1822 года и до конца жизни он был женат на Беате-Софии Лёвенборг. В этом браке родилось шестеро детей. Есть, однако, основания предполагать, что и Ливийн в своей жизни пережил серьезную любовную трагедию. Свидетельство о его страстной натуре подтверждается следующими строками в утешительном письме к близкому другу Лоренциусу Хаммаршёлду (L. Hammarsköld) от 25 августа 1803 года. «...Мои редкие минуты наслаждения — это рай небесный; мои страдания — муки адские. Ты пьешь медленно из чаши радости и страдания, как бы всасывая все в себя; я же глотаю все до последней капли за один глоток. Чьи муки тяжелее?»⁶; «...Я хочу испытать шторм и опьяниться молниями» (CL, 1824), — писал Ливийн в своем дневнике. Что же заставило благополучно женатого Ливийна выразить такое страстное желание?

⁴ Из-за плохой сохранности документов их сканирование проводилось при особом режиме. Несмотря на все принятые меры, бумага, однако, рассыпалась. У нас остался лишь оцифрованный текст русского подстрочника.

⁵ Сведения из архива МИДа Швеции (Utr. dep. 34/2: 553) подтверждают въезд Тютчева в Швецию 1 апреля 1835 года.

⁶ <http://litteraturbanken.se/#!/forfattare/HjarneR/titlar/DagenForeDrabningen/sida/16/faksimil>. Перевод здесь и далее принадлежит авторам статьи.

Из отрывочных записей в его недавно найденных дневниках становится ясно, что Ливийн в 1824 году посетил свою мать в Шеннинге (Skänninge), где встретил Ингу-Лизу Лэрку, дочь местного епископа. Девушка была не только красива и умна, но обладала великолепным голосом. В дневниках Ливийн отмечает удивительное сочетание фамилии и таланта девушки — «лэрка» по-шведски значит 'жаворонок'. Он влюбляется, она отвечает ему взаимностью. Но эта запретная, невозможная любовь глубоко потрясла его душу. Как становится понятно из последующих страниц дневников, тайные встречи влюбленных продолжались несколько лет, вплоть до внезапной кончины Инги-Лизы, невольным свидетелем которой оказался сам Ливийн. Во время прогулки на лодке пару застиг внезапный шторм, и несмотря на все усилия, Ливийну не удалось спасти упавшую за борт девушку⁷. Трагическая смерть девушки оставила незаживающую рану в его душе.

Незамеченный «шведский» цикл Тютчева

Клас Юхан Ливийн известен прежде всего как прозаик; его немногочисленные стихи не получили широкого распространения. К тому же, мы имеем все основания предполагать, что он сознательно скрывал многие из них, особенно стихи, посвящённые Инге-Лизе Лэрке. Именно эти тайные стихи (в немецком переводе) он подарил «брату по несчастью»⁸, русскому дипломату и поэту Тютчеву. Приводим тексты подстрочников последнего:

1.

Мы в лодке плыли к востоку, ранним утром.
Было тихо и только хлопки паруса были слышны.
Над нами было небо, которое светлело,
Под нами было море как зеркало небес.
Вот небо стало гореть алым цветом.
Она начала свою молитву и светилась радостью в ее глазах цвета неба.
Солнце окрасило ее накидку в алый цвет, как покровы Мадонны.
Восток горел, ее головка склонилась
И обнажилась прекрасная шейка.
Она преобразилась, ее уста нежные как у ребенка
Окрасились огненным светом солнца.

2.

Твоя головка над водой склонилась.
Зачем ты, Инга, убегающую воду за кормой нашей лодки ловишь.
Зачем ты с волной своими тонкими пальцами, играешь.
Ты свои румяные губы этой влагой не сможешь омочить,
Ты эту веселую воду не сумеешь зачерпнуть
Своими трепетными руками.
Она веселая, на солнце блестящая, будет убежать от тебя,
И будет над тобой смеяться, да и только.

⁷ По сведениям архива гавани в городе Вадстене регистрационный номер лодки — 666, дата крушения — 6.VI.1826. Именно это событие, видимо, послужило основой для местной легенды о девушке в белой накидке, всегда появляющейся на пирсе гавани в преддверии шторма. (Озеро Вэттерн — одно из крупнейших озер Европы — славится своими внезапными штормами и ледяной даже летом водой. Необходимо отметить и мистическую связь между желанием «испить шторм» и реальной трагедией, которой обернулось это желание).

⁸ Авторы имеют в виду «невозможную» любовь Тютчева к Амалии Лёрхенвельд (впоследствии баронессе Крюденер), жене русского посланника в Стокгольме. См. статью: Per-Arne Bodin. Poeten, den unga fen och det enarmade monstret. Tre berättelser kring Fjodor Tjutjev (*в рукописи*).

3

Это было в вечер осенний, темный и дождливый.
Я услышал сквозь ненастье твой голос, мой прекрасный жаворонок.
Ты, утро моей жизни, куда ты зовешь меня
В эту позднюю мрачную ночь?
Слышу ли я тебя или это мое безумие
Насмехается надо мной и сотрясает мою душу.

Сравним с тремя стихотворениями Тютчева 1835 года, которые до сих пор не рассматривались как единый текст цикла, но которые благодаря подстрочнику обнаруживают определенную связь.

Стих. 1

«Восток белел. Ладья катилась...»

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало, –
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...
Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало, –
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликovalo...
Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выа, –
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

Стих. 2

«Что ты клонишь над водами...»

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..
Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

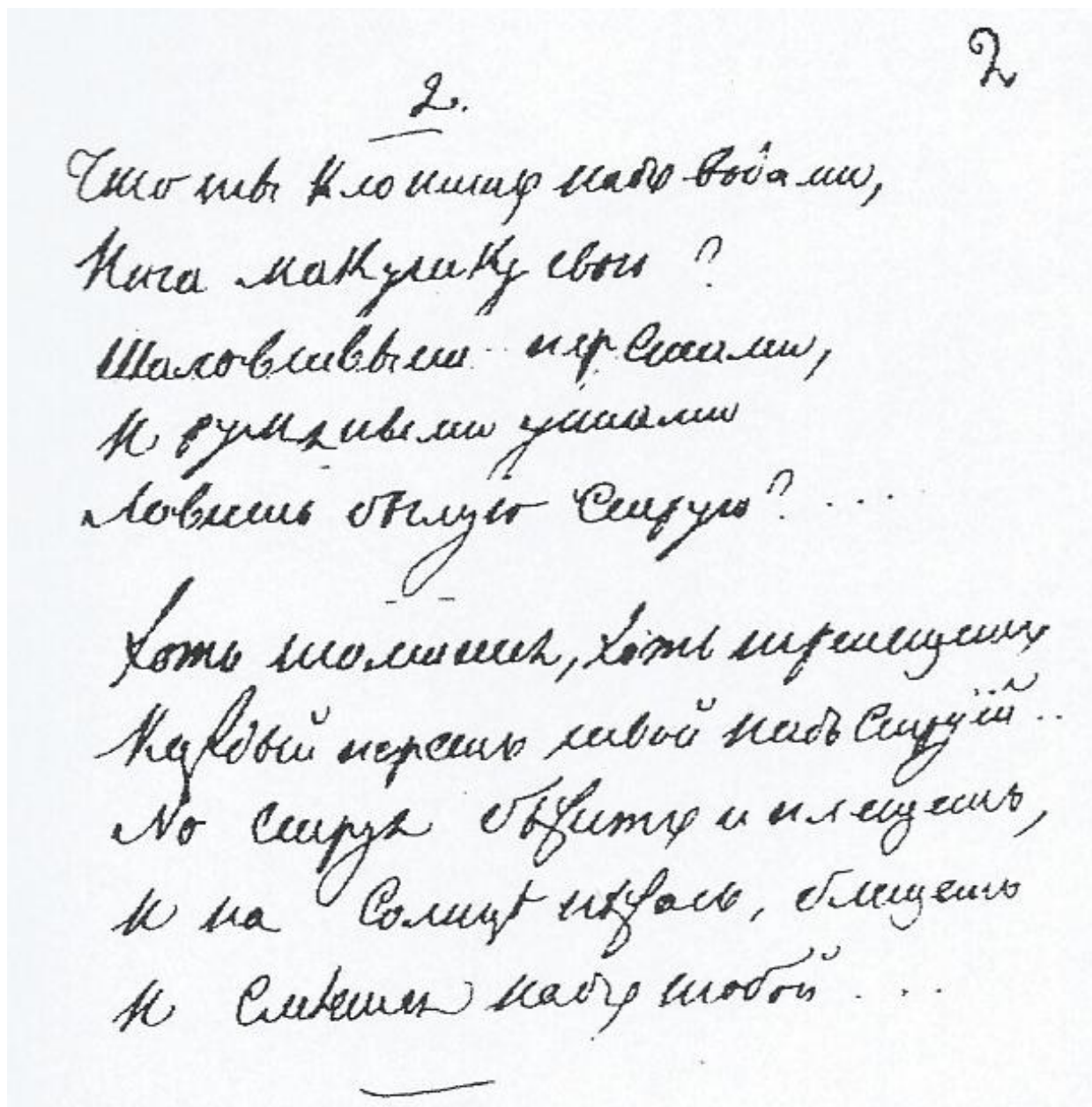
Стих. 3

«Вечер мгlistый и ненастный...»

Вечер мгlistый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час...
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

Первое, что бросается в глаза, это полное несоответствие некоторых слов из второго стихотворения Тютчева тексту его же подстрочника — никакой «ивы» и «листов» в подстрочнике нет. Эту загадку удалось отгадать, так как в архиве Ливийна, в папке с документами, относящимися к 1844 году (год его смерти), сохранилось письмо Тютчева (по-немецки) и рукописные тексты приведенных выше стихотворений. Тютчев пишет, что не надеется, что Ливийн сможет прочесть его перевод на русский, но считает своим

долгом приложить текст стихотворений⁹. Приводим факсимильный текст второго стихотворения:

Для сравнения приводим также факсимильный текст третьего стихотворения:

⁹ KB, Livijns papper L. 105/622.

3. Доб

Вверху мимесивий и кенкетной...
Ту, на Маборонка-мр Алав? ...
Тиблми, Чуга аосту иредашной
Мр емолю кордий, муртвий гав?
Дюбкий, рывбий, Звурно-кемай,
Мр емолю муртвий, кордий
Накму Бурман Ситки Фриной,
вар все дуж мит мочурн...

Сомнений в том, что стихотворение второе написано рукой Тютчева, быть не может. Более того, стихи помечены соответствующими цифрами. Вопрос же о том, каким образом в русских изданиях Тютчева «Инга» превратилась в слово «ива», а «персты» в «листы», мы оставим для будущих исследователей, ограничившись пока предположением, что немаловажную роль в этом сыграл процесс переписывания рукописных текстов.

Но и предварительные итоги данного исследования, как нам кажется, способны пошатнуть современное тютчеведение в его основах. Если любой текст Тютчева на самом деле может представлять собой перевод пока неизвестного произведения (а похожесть его

стихов на переводы давно замечена¹⁰), то количество возможных циклов в творчестве поэта возрастет экспоненциально. Это, в свою очередь, обеспечит работой по крайней мере три поколения филологов. Второй вывод, проистекающий из данного исследования: до сих пор недооценено значение подстрочных переводов как эвристического орудия. Третий вывод: не пренебрегайте шведскими архивами!

* * * *

¹⁰ См., в частности: Gregg, Richard A. *Fedor Tiutchev : The Evolution of a Poet*, New York: Columbia U.P., 1965.